

То обстоятельство, что на некоторые из поднятых здесь нами вопросов в рассматриваемой книге не всегда можно найти удовлетворительные ответы, разумеется, отнюдь не умаляет ее выдающегося значения. Проблемы социального развития в эпоху общинно-родового строя, так же как и вопросы абсолютной хронологии археологических объектов в эпохи неолита и бронзы, еще далеки от разрешения даже применительно к культурам, изученным более детально и на основании более податливого в этом смысле материала, чем материал трипольских поселений.

Рассмотрение этой книги приводит нас к убеждению, что она является весьма большим шагом вперед на пути систематизации и исторического изучения археологических памятников трипольской культуры. В ней, кроме того, подведены итоги большой работы, проделанной предшествующими исследователями, и дана ее критическая оценка.

Нам хотелось к тому же, разбирая эту книгу, дать почувствовать читателю хотя бы отчасти общеисторическое значение трипольской культуры и ее место в ряду других древних культур, развивавшихся на территории нашей Родины в доисторические времена. Весьма существенно, что отдельные элементы трипольского жилища могут быть угаданы в позднейших глинобитных жилищах Причерноморья, а формы и орнамента трипольской керамики прослеживаются на керамических образцах эпохи поздней бронзы и раннего железа, стилистические же особенности, свойственные трипольским глиняным статуэткам, отмечаются также в местной терракотовой пластике причерноморских городов греко-сарматского периода. Мы видим, следовательно, что точно так же как эгейская культура в центре Средиземноморья послужила во многих местах основой и почвой для позднейшей эллинской цивилизации, также и трипольская культура на западе Причерноморья послужила важным этапом культурного развития племен, сыгравших позднее, в I тысячелетии н. э., решающую роль в этногенезе восточных и западных славян. Трипольская культура является, таким образом, наряду с другими культурами эпохи бронзы юга СССР той основой, на которой впоследствии выросла сначала культура скифских, а затем и древнеславянских племен.

Л. А. Ельницкий.

Вопросы древней истории в «Кратких сообщениях ИИМК», вып. XII — XXV (1946 — 1949 гг.).

В «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК» находят место статьи и публикации, касающиеся античной археологии, отражающие деятельность соответствующих секторов ИИМК, а также местных исследовательских и музейных учреждений и отдельных лиц. В работе редакции можно различить два периода: первый — до 1947 г. включительно, и второй — с начала 1948 г.

Работы на античные темы, опубликованные в выпусках КСИИМК (XII—XXI), появившихся в свет на протяжении 1946—1947 гг., довольно многочисленны и разнообразны. Они могут быть разделены на три категории: статьи исследовательского характера, поднимающие общие вопросы советского антиковедения, исследования и публикации, касающиеся каких-либо специальных тем или отдельных памятников, и, наконец, отчеты о раскопках и информационные сообщения.

В частности, в качестве работ общего характера, непосредственно затрагивающих проблематику антиковедения, может быть названа, собственно, всего лишь одна статья Б. Н. Г р а к о в а «Гермин Σχόρα: и его производные в надписях Северного Причерноморья» (опубликована в вып. XVI, стр. 79—89), ставящая своей задачей определение географического содержания, вкладывавшегося в наименование «Скифы»,

поскольку оно фигурирует в греческих надписях Северного Причерноморья. Автор старается показать, что имя это в эпиграфике существовало столь же продолжительно, как и в древней литературе, выражая собой совершенно определенное этническое понятие, географические границы которого подвигались на протяжении времени определенным изменениям.

Как посвященная более специальному вопросу и притом с упором в его техническую сторону, может быть названа статья В. Д. Б л а в а т с к о г о «Осада и оборона в античном Причерноморье», помещенная в том же выпуске XVI (стр. 89—94) и выясняющая особенности военной тактики причерноморских греков, отличной от военных приемов, практиковавшихся в метрополии, ввиду смешанного состава военных сил причерноморских греческих колоний и ввиду влияния на их военную тактику тактики соседней скифов. Построения автора базируются преимущественно на данных Диодора (XX, 22 сл.), которые несколько более детально и специально рассматриваются им также в статье, напечатанной в ВДИ за 1946 г., № 1 («Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э.»).

Промежуточное место между названной статьей и публикациями археологических памятников занимает пространная статья П. Н. Ш у л ь ц а «Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака» (вып. XII, стр. 44—57), републикующая найденные еще Бларамбергом на месте Скифского Неаполиса рельефы и повторяющая его же доводы в пользу того, что изображения этих рельефов представляют известных из литературных источников скифских царей Скилура и Палака.

К последним работам по своему характеру примыкает статья С. И. К а н о ш и н о й «Пережитки ритуального окрашивания костяков в ольвийском некрополе» (вып. XII, стр. 26—30), прослеживающая наличие в ольвийском погребальном ритуале следов обычая окрашивания костяков, снабженных предметами местного «варварского» обихода, свидетельствующих о присутствии в Ольвии скифских элементов, сближающих ольвийский городской быт с местным и степным скифским бытом.

Несколько статей, посвященных публикации новых или неизданных памятников, имеют в значительной степени искусствоведческий характер. Такова статья В. Д. Б л а в а т с к о г о «Ялтинская голова и истоки стиля Скопаса» (вып. XII, стр. 63—72), в которой автор публикует хранящуюся в Ялтинском музее мраморную голову юности I в. н. э.

Сюда же относится и статья М. М. К о б ы л и н о й «Красофигурная пелика Ялтинского музея» (вып. XIV, стр. 53—61), сообщающая о хранящейся в Ялтинском музее греческой вазе IV—III в. до н. э. с изображением амазомахии и выясняющая ее место среди соответствующих памятников. Автор поднимает вопрос о местном производстве подобных керамических изделий, считавшихся обычно аттическими, и аргументирует свое предположение наличием развитого местного керамического производства, открытого раскопками преимущественно последних десятилетий, так же как и наличием стилистически близких — песоченно местного производства — акварельных пелик.

Хранящуюся в Эрмитаже и лайденскую еще в 1891 г. терракотовую голову варвара публикует П. П в а н о в а («Голова варвара из Херсонеса», вып. XV, стр. 63—67), сближающая этот памятник в стилистическом отношении с изображениями рельефов колонны Траяна в Риме, отмечая в то же время местные варварские черты, проявившиеся и в римском искусстве в эпоху его упадка.

К названным публикациям примыкает и статья В. Ф. Г а й д у к е в и ч а «Некоторые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов» (вып. XVI, стр. 22—28), сообщающая четыре не известных ранее боспорских черепичных клейма, из которых два: Βασίλειχὴ διὰ Νομιστηρίου и Βασίλειχὴ διὰ Βατάρχου формулой своей свидетельствуют о наличии откупа или аренды парских мастерских частными предпринимателями — эргастериярхами. Клеймо-тамга из Анапы, рассматриваемое в этой же статье, любопытно в том отношении, что оно свидетельствует о керамическом производстве греческого типа в местной среде, лишенной, может быть, греческой грамотности.

В заключение должна быть упомянута небольшая заметка В. Д. Б л а в а т с к о г о «О технике росписи арибаллических лекифов» (вып. XV, стр. 51—58), сообщающая о его наблюдениях над способом работ греческих керамистов-художников при изготовлении массовой ритуальной керамики.

Наиболее обширный раздел представляют статьи отчетного (и информационного) характера, касающиеся полевых исследований. В их числе должна быть названа работа Г. Д. Б е л о г а «Античные материалы из раскопок 1940 г. в Херсонесе» (вып. XII, стр. 57—63), в которой идет речь преимущественно о раскопках некрополя классической поры на территории эллинистического города, где около одной трети погребений принадлежит к числу скорченных. На основании инвентаря и их погребального ритуала автор приходит к выводу о существовании на месте древнего Херсонеса догреческого поселения.

Статья М. М. Худяка «Работы нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939—1941 гг.» (вып. XIII, стр. 119—126) аргументирует существование Нимфея, подобно многим другим причерноморским колониям греков, с VI в. до н. э. вплоть до позднеримского времени, из чего следует, что Нимфей не был только опорным пунктом Афин на Червом море, возникшим, как предполагалось, в связи с развитием хлебной торговли Аттики со Скифией и захиревшим по прекращении этой торговли.

В статье «Раскопки Пантикапея в 1945 г.» (вып. XVII, стр. 105—116) В. Д. Б л а в а т с к и й сообщает о результате первой после войны археологической кампании в Керчи, заключавшейся в раскопках и обследованиях на горе Митридат.

О работах в Керчи в 1946 г. В. Д. Б л а в а т с к и й говорит в двух кратких сообщениях о докладах, прочитанных на заседании пленума ИИМК, посвященном итогам полевых археологических работ («Террасы Пантикапея» и «Раскопки в Керчи», вып. XXI, стр. 91—96). В этих сообщениях обращается внимание на вопросы хронологии Пантикапея и на террасообразный характер его планировки.

О весьма интересных и богатых результатах работ на территории городища Керменчик близ Симферополя («Раскопки Неаполя Скифского», вып. XXI, стр. 16—21) сообщает в краткой, отчетного характера, статье П. Н. Ш у л ь ц (результаты его раскопок освещались также в ИАН и в ВДИ).

Дополнением к отчету П. Н. Шульца должна служить напечатанная в том же выпуске (стр. 22—32) работа Н. Н. П о г р е б о в о й «Мавзолей Неаполя Скифского» содержащая детальную характеристику находок, сделанных в упомянутом выше склепе, состоящих из драгоценных украшений, предметов вооружения, предметов искусства и культа.

О работах в периферийных пунктах древнего Боспорского царства на Керченском полуострове сообщает в тезисах отчетного доклада В. Ф. Г а й д у к е в и ч («Раскопки Тиритаки и Мирмекия», вып. XXI, стр. 89—91), характеризующий эти пункты как очаги рыболовства и виноделия, важные в хозяйственной системе Боспора и являвшиеся в то же время стратегическими узлами его обороны.

В обстоятельной статье Н. В. А н ф и м о в («Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья», вып. XVI, стр. 148—158) публикует материалы из произведенных перед войной и в годы войны раскопок некоторых сарматских могильников (ст. Владимирская, Усть-Лабинская, Тбилисская и Ладожская), относящихся ко времени около начала н. э. Материалы эти, свидетельствующие о значительном имущественном неравенстве в среде прикубанских сармат и об известной культурной обособленности сарматской знати, важны для изучения социального строя скифо-сарматского общества в позднее время его существования.

В тезисах отчетных докладов Б. Н. Г р а к о в («Никопольская экспедиция», вып. XXI, стр. 73—74) и М. И. А р т а м о н о в («Югоподольская экспедиция», там же, стр. 74—76) сообщают о раскопках и обследованиях скифских городищ Каменского и Немировского на Днестре, а также Матерьского и Дерещевского на Днестре. В последних, наряду со скифским, обнаружен материал эпохи бронзы, свидетельствующий о

непрерывности исторической жизни этих поселений на протяжении II—I тысячелетий до н. э.

Несравненно беднее представлена в рассматриваемых выпусках КСИИМК археология и культура античного Кавказа. Указанную тему затрагивает работа Е. И. Крупинова «Северокавказская археологическая экспедиция 1940 г.» (вып. XVII, стр. 99—104), содержащая, в частности, публикацию находок, сделанных при раскопках Нестеровского могильника (Грозненская обл.), материалы которого свидетельствуют об общности и взаимном проникновении раннескифской, кобанской и крымско-таврской культур (см. также публикацию материала Нестеровского могильника, сделанную Е. И. Крупиновым в вып. XX КСИИМК, вышедшем в свет в 1948 г.).

К области античного Закавказья относится краткое сообщение Б. Б. Пиотровского о чрезвычайной научной важности и новизне раскопок Кармир-Блур близ Еревана («Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур», вып. XXI, стр. 13—15), открывающих широкие перспективы по изучению археологии и истории Урарту—древнейшего государственного образования на территории СССР, северным опорным пунктом которого был Кармир-Блур (древний Тейшебани).

С. П. Толстов в статьях: «Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г.» (вып. XII, стр. 90—93), «Городища с жилыми стенами» (вып. XVII, стр. 3—9) и «Хорезмская экспедиция 1946 г.» (вып. XXI, стр. 33—34) выдвигает вопросы хронологии, топографии и материальной культуры Хорезма ахеменидского, эллинистического и кушанского времени. В частности, в статье о городищах с жилыми стенами им впервые публикуются и реконструируются своеобразные оборонно-жилые комплексы (глинобитные сооружения), относящиеся к VI—IV вв. до н. э.

Должна быть также упомянута статья А. И. Терепожкина «Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г.» (вып. XVII, стр. 116—121), в которой автор рассматривает вопросы хронологии древнейших слоев Афрасиаба, а также нижних слоев городища Тали-Барзу и датирует древнейшие горизонты названных городищ эллинистическим временем. А. И. Бернштам в тезисах доклада о раскопках и разведках в районе Ферганы («Древняя Фергана», вып. XXI, стр. 86—88) характеризует материальный быт Ферганской долины в эллинистическое (усульская и давацкая культура III—I вв. до н. э.) и в раннекушанское время (первые столетия н. э.). В статье В. Ф. Гайдукевича «Работа Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.» (вып. XIV, стр. 92—110) детально публикуются результаты раскопок могильников начала н. э., обнаруженных при строительстве Фархадской ГЭС. Г. В. Григорьев в статье «К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда» (вып. XII, стр. 94—103) рассматривает некоторые глиняные и бронзовые предметы искусства из раскопок городища Кафир-кала (близ Самарканда), относящиеся к эпохе раннего средневековья (VI—VII вв. н. э.), но сохранившие отчетливые черты эллинистического стиля.

В рассматриваемых выпусках КСИИМК содержатся также некоторые материалы информационного и критического характера. Их сравнительно немного, и появлялись они не систематически. Из них должны быть здесь упомянуты тезисы диссертаций, защищенных в годы Отечественной войны (вып. XIII, стр. 137—153): Л. П. Харко — «Кульст Афродиты на Боспоре Киммерийском»; Г. Д. Белов — «Херсонес Таврический», С. П. Толстов — «Древний Хорезм», Г. В. Григорьев — «Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда»; при этом тезисы диссертаций Л. П. Харко и С. П. Толстова настолько подробны и обстоятельны, что позволяют судить не только об охвате темы, но и об использованном материале и об аргументации авторов.

В числе других информационных материалов следует указать на статьи: М. А. Наливкиной «Античный Коринф в свете новейших археологических исследований» (вып. XIV, стр. 132—142) — работа, представляющая собой весьма обстоятельный обзор коринфских раскопок 20-х и 30-х гг. и посвященных им новейших зданий; Р. Гиршманя (вып. XIII, стр. 10—17) «О раскопках французской архео-

логической делегации в Афганистане (на городище Бергам, содержащем памятники греко-бактрийской и кушанской эпох).

Из немногочисленных критико-библиографических материалов, помещенных в вып. XII и XIV, могут быть названы обстоятельные рецензии П. В. Ернштедта на книгу В. Д. Блаватского «Греческая скульптура» и В. А. Крачковской на книгу Э. Герцфельда «Iran in the Ancient East», 1944. Кроме того, хотелось бы упомянуть две работы, хотя и не имеющие прямого отношения к антиковедению, но, несомненно, представляющие интерес для всякого интересующегося вопросами возникновения античной культуры в Причерноморье. Имеются в виду: статья А. А. Иессена «Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э.» (вып. XVIII, стр. 18—22) и тезисы диссертации Г. В. Подгаецкого «Предскифский период на среднем Дону» (вып. XIII, стр. 134—137), рассматривающие вопросы эпохи поздней бронзы в связи с проблемой преемственности культуры эпохи бронзы и раннего железа.

Обозрев все эти материалы, следует сказать, что они являются ярким свидетельством весьма значительной работы, проделанной антиковедами ИИМК за первые послевоенные годы, — свидетельством успехов, достигнутых только благодаря тому, что исследовательская деятельность наших археологов не прерывалась также и в годы войны.

Наряду с этим подобное обозрение выявляет и некоторые существенные недостатки. Почти полное отсутствие в 1946—47 гг. работ, обсуждающих на широком материале проблемы, важные для современного советского антиковедения, — проблемы этногенеза и социальных отношений, складывавшихся у различных племен, живших на территории СССР в античную эпоху, говорит о недостаточной отчетливой научной перспективе у имковских антиковедов. Это означает, что они работают преимущественно над частными вопросами узко археологического характера.

Выпуски XXII и XXV КСИИМК, содержащие материалы заседания памяти Б. В. Фармаковского и сессии, посвященной археологии Закавказья, заполняют, до известной степени, те пробелы, которые особенно бросались в глаза при ознакомлении с первыми послевоенными выпусками КСИИМК.

Выходу в свет выпуска XXII «Кратких сообщений» предшествовала сессия Ученого совета ИИМК, посвященная пятидесятилетнему юбилею начала раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии, имевшая место в апреле 1946 года; сообщенные на сессии доклады вошли в рецензируемый сборник.

Выпуск распадается на два раздела: в первый входят стоявшие на сессии Ученого совета ИИМК доклады, дающие оценку разносторонней деятельности Б. В. Фармаковского. К ним относятся: доклад В. Д. Блаватского «Б. В. Фармаковский — исследователь античного мира», доклад М. М. Кобылиной «Б. В. Фармаковский — историк античного искусства», доклад В. Шапалова «Высказывания Б. В. Фармаковского о египетском искусстве». Завершается эта часть сборника списком печатных работ Б. В. Фармаковского, весьма небрежно составленным Т. И. Фармаковской. В первый раздел входят также и две работы научно-исследовательского характера: А. Н. Красева «Оборонительные сооружения Ольвии» и Б. Н. Гракова «Литейное и кузнечное дело у скифов», прочитанные на сессии Ученого совета в 1946 г. Второй раздел выпуска составляют «статьи и сообщения», посвященные памяти Б. В. Фармаковского.

Проблема оценки научного наследия неоднократно вставала в нашей науке. Весной 1948 г. в советском литературоведении прошла большая дискуссия по вопросу оценки наследия Веселовского и был решительно осужден политический смысл попыток возрождения так называемой сравнительно-исторической школы Веселовского. Важное значение и в области археологии имеет вопрос о критическом отношении к научному наследию. Можем ли мы безоговорочно принимать все то, что сделано нашими предшественниками и как мы должны оценивать деятельность наших предшественников с позиций современной советской науки?

Фигура Б. В. Фармаковского, талантливого исследователя, крупнейшего и разностороннего ученого, перу которого принадлежит большое количество учепых трудов, явившегося основоположником научного метода ведения раскопок, заслуживает особого внимания. С этой точки зрения специальный выпуск сборника, посвященного Б. В. Фармаковскому, нельзя не приветствовать и нельзя не признать вполне своевременным.

Учепая деятельность Б. В. Фармаковского началась в 90-х гг. прошлого века и захватила почти десятилетие новой эпохи после Великой Октябрьской социалистической революции. Зрелым учепым, имеющим огромный стаж и опыт, встречает Б. В. Фармаковский Октябрьскую революцию. Однако в «Кратких сообщениях» этот важнейший, переломный момент в биографии Б. В. Фармаковского остался неосвещенным. Деятельность ученого в советский период не отделена от его дореволюционной работы.

В докладе В. Д. Блаватского, «Б. В. Фармаковский — исследователь античного мира» подробно освещена полевая работа ученого, дана высокая оценка строго научному методу ведения раскопок, противопоставленному любительским или полудиллетантским полевым изысканиям старой археологии. Далее дается оценка плодотворной работы Б. В. Фармаковского в области истории античного искусства и искусства Северного Причерноморья, показывается многосторонность научных интересов ученого, бывшего «одновременно археологом, историком искусства и историком культуры, и эти специальности всегда органически сочетались в его работе. Таков образ этого универсального ученого-антиковеда» (стр. 13). В докладе М. М. Кобылиной, «Б. В. Фармаковский — историк античного искусства» оцениваются труды ученого, изучавшего искусство «в исторической перспективе, во взаимодействии со всем комплексом современной ему античной культуры» (стр. 14).

Но в обоих основных докладах не освещен переломный момент во взглядах этого большого ученого, не отделен дореволюционный период его деятельности от советского периода. Годы революции и гражданской войны упомянуты лишь в связи с перерывом, наступившим в раскопках Ольвии. Между тем Б. В. Фармаковский был одним из многих членов Археологической комиссии, который стал на путь активного ее переустройства и создания на ее базе советского научно-исследовательского учреждения — Государственной академии истории материальной культуры. Тесное сотрудничество Б. В. Фармаковского с Н. Я. Марром, не нашедшее отражения в «Кратких сообщениях», сказалось на взглядах Б. В. Фармаковского. Он был первым, кто подверг критике в печати советского времени иранскую теорию Ростовцева. В рецензии на работу Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России» Б. В. Фармаковский в 1921 году писал: «Нельзя сказать, чтобы термин «иранство» был удачен для обозначения того, что разумел Ростовцев, т. е. для обозначения разнообразных явлений культуры». «Ни скифское вооружение, ни одежда, ни религия не являются в основе персидскими, — «иранскими»¹. И далее: «Мнение М. И. Ростовцева об иранском происхождении скифов и сарматов после новейших изысканий Н. Я. Марра надо считать совершенно поколебленным»². Эта критика Б. В. Фармаковским Ростовцева также никак не отмечена в «Кратких сообщениях».

Не только сотрудничество с Н. Я. Марром, но и работа Б. В. Фармаковского в комиссии по «социологии искусства и искусствоведению» имели решающее значение в формировании новых взглядов ученого, в его стремлении освоить и применить в своей работе метод диалектического материализма.

Сам Б. В. Фармаковский придавал большое значение работе этой комиссии, как первой научной ячейке в рамках ГАИМК, разрабатывавшей методологические проблемы. В одном из отчетов о деятельности ГАИМК Б. В. Фармаковский писал: «Комиссия по социологии искусства и искусствоведению своей главной задачей ставила разработку

¹ Русский исторический журнал, кн. 7, 1921.

² Там же, стр. 206.

методологических проблем теории и истории искусства с проведением диалектически-материалистического взгляда на историю развития общества»¹.

В докладах, оценивающих деятельность Б. В. Фармаковского, некритически рассматриваются его дореволюционные работы и не уделено внимания тому новому, что привело Б. В. Фармаковского в ряды советских ученых. Известное отсутствие критического отношения к наследству этого большого ученого привело к тому, что безоговорочно принимаются и пропагандируются работы Б. В. Фармаковского, выводы из которых как идеалистические неприемлемы для советской науки. (например художественный идеал демократических Афин). Сила таланта Б. В. Фармаковского позволила ему преодолеть ограниченность формалистической школы, и он значительно превосходил своих современников в глубине анализа, в умении делать исторические обобщения; но не всегда и не до конца он мог в своих работах преодолеть наследие старой школы.

О докладе В. В. Павлова приходится сказать то же, что и о других докладах. Высокая оценка знаний и художественного чутья Б. В. Фармаковского совершенно правильна, но оценка ученой деятельности Б. В. Фармаковского недостаточно критична.

В результате же всех докладов, дающих характеристику и оценку Б. В. Фармаковскому, образ этого ученого вышел несколько обедненным. Отсутствие разграничения дореволюционного периода в работе Б. В. Фармаковского от работы его в советский период, отсутствие показа путей, приведших этого большого ученого в ряды советских исследователей, вызваны не вполне критическим отношением к ученому наследию, оставленному Б. В. Фармаковским.

Большой интерес и большую научную значимость имеет статья А. Н. Карасева «Оборонительные сооружения Ольвии». Автором произведена ценная работа по изучению результатов полевой деятельности Б. В. Фармаковского, основательно изучен рельеф местности ольвийского городища, накоплен большой опыт в изучении строительных памятников. Статья А. Н. Карасева представляет интерес в части реконструкции оборонительных сооружений и установления их общей протяженности. Дано интересное описание разрушения береговой полосы Ольвии, сделаны убедительные выводы, показывающие, что территория так называемого нижнего города Ольвии значительно изменилась и, главное, чрезвычайно уменьшилась. Особенную ценность в связи с этим имеет предлагаемая А. Н. Карасевым реконструкция оборонительных степ береговой полосы.

В статье Б. Н. Гракова «Литейное и кузнечное дело у скифов», помимо развернутой характеристики Каменского городища, как поселения металлургов, привлечен материал Бельского городища, поселения у Раскопанной могилы, Быстрицкого селища и др., дающий представление о широком распространении литейного и кузнечного ремесла, изделия которого употреблялись не только в ограниченном районе вокруг этих городищ и селищ, но и распространялись по широкой территории, заходя в отдаленные края геродотова торгового пути. «Изделия городищенских мастеровских являлись товаром». Огромный интерес представляют приводимые автором факты о добыче руды в Криворожском рудном бассейне; специальные анализы каменных находок показали, что руда с Каменского городища — криворожская. Развитие литейного и кузнечного дела у скифов Б. Н. Граков рассматривает как один из факторов формирования скифской культуры и делает широкие исторические обобщения. Недостаточно обоснованным представляется предположение автора, что скифские стрелы, изготовленные в Ольвии, являются изделиями греческих мастеров, копировавших скифские формы.

И. Б. Зеев в статье «О типах гераклейских амфор» описывает группу гераклейских амфор, выделенную Б. Н. Граковым, и по формам устанавливает четыре типа этих амфор, упоминая о пятом их типе, возникающем независимо от общей эволюции.

¹ Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 5, 1925

Работа И. Б. Зеест имеет практическое значение для полевых исследований, облегчая датировку и локализацию части амфорного материала.

Н. М. Лосева («Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории») публикует незначительный фрагмент краснофигурного килика, найденный в 1938 г. в Фанагории. Публикуемая находка связывается также и с другими находками краснофигурных сосудов в Северном Причерноморье, что позволяет автору сделать некоторые выводы о художественных вкусах и потребностях известных социальных слоев его местного населения.

Н. Я. Мерперт публикует хранящийся в ГМИИ неизвестного происхождения скифский меч («Акинак с копьевидным навершием»). Автор приходит к выводу о наличии двух групп скифских мечей. Мечи с копьевидными навершиями, по мнению автора, характерны для причерноморской Скифии, мечи с орлиными головами — для восточных районов (Оренбургская обл.). Обе эти группы хронологически близки.

Более общим вопросам истории искусства посвящены статьи Н. Н. Погребовой «Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики» и статья Н. Н. Бритовой «Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора». Н. Н. Погребова устанавливает наличие трех типов грифонов в Северном Причерноморье: переднеазиатского, греческого и скифского и распределяет известные изображения грифонов по установленным типам. К переднеазиатскому типу автор относит грифонов на мельгуновских ножнах и ножнах из Келермесса. Греческому типу, по мнению автора, принадлежат изображения грифонов на келермесском зеркале, диадеме и навершии, хотя последнее осложнено присутствием ряда признаков, свойственных негреческому грифону. Скифский грифон (в большинстве случаев голова хищной птицы, а также фигура хищной птицы) часто встречается на предметах вооружения, утвари и уздечного набора. Довольно механическое распределение автором изображений грифонов по группам представляется некоторым упрощением сложных явлений в искусстве. Спорной является трактовка изображения на ножнах из Келермесса.

В статье Н. Н. Бритовой «Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора» устанавливаются черты сходства и различия между двумя близкими по мотивам группами фракийских и боспорских памятников. Образ всадника на многочисленных фракийских рельефах связан с культом героя, развитие которого во Фракии, по мнению автора, объясняется длительным сохранением традиций родового строя. Значительная часть боспорских надгробий также воспроизводит изображения всадников. Они имеют, однако, иное смысловое значение. На боспорских надгробиях изображается героизируемый умерший. Ключом к их пониманию являются росписи боспорских склепов. И росписи и надгробия отображают в большей степени уклад жизни населения, тогда как в искусстве Фракии отражается религиозно-магическая сфера культа.

Устанавливая эти различия, а также различия во времени — боспорские надгробия падают на эпоху, предшествующую массовому появлению фракийских рельефов, — автор, однако, правильно усматривает общность тематики и иконографическую близость ряда мотивов. Выявленные автором черты сходства позволили сделать убедительный вывод об общности корней культуры Фракии и Боспора, тесно связанных со степными скифо-сарматскими кочевниками и Малой Азией.

Вопросу культурной близости Северного Причерноморья и Фракии посвящена статья А. П. Манцевич «Шейные уборы скифского периода». Автор исследует элементы украшений шейных уборов, найденных в большом количестве скифских курганов; приводит убедительные реконструкции этих уборов и устанавливает, что этот тип убора был «особенностью богатого мужского костюма жителей Северного Причерноморья». Вместе с тем А. П. Манцевич приводит один убор фракийского типа, найденный в Ильинцево кургане. Сопоставляя фракийские нагрудные и скифские шейные уборы, автор делает вывод о наличии культурной близости этих областей, о возможности наметить связи Фракии с Северным Причерноморьем.

Этнокультурные связи Северного Причерноморья с Фракией имеют глубокие корни. Стоит пожелать, чтобы выяснение культурных связей Северного Причерноморья с Фракией было продолжено на более обширном и значительном материале.

Небольшое сообщение Т. В. Блаватской «О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии» посвящено сопоставлению сходных черт в государственном устройстве этих двух городов на основании изучения эпиграфических памятников. Отсутствие подобного рода коллегий в других городах Греции и в Милете позволило Т. В. Блаватской сделать интересный вывод, что их наличие в Ольвии и Истрии может быть объяснено «сходными условиями экономической и политической жизни на северо-западном берегу Понта».

Завершается выпуск «Кратких сообщений» публикацией К. Ф. Смирнова «Сарматские погребения южного Приуралья». Автор публикует результаты полевых работ экспедиции ГИМ 1927—1929 гг. под руководством Б. Н. Гракова. Автор считает, что открытые в 1927—1929 гг. погребения относятся к среднесарматской и позднесарматской стадиям Прохоровской культуры. Открытие погребений начала нашей эры представляет большой интерес и, как указывает автор, «расширяет далее на восток территорию сарматской культуры Поволжья I в. до н. э.— I в. н. э., объединяя Поволжье и степное Приуралье в единую область одной и той же культуры».

Выпуск XXIV КСИИМК открывается сообщением о научной сессии ИИМК в Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья, состоявшейся в январе — феврале 1948 г.

Наиболее содержательным является доклад Б. Б. Пиотровского об «Основных итогах и проблемах археологического изучения Закавказья», ставящий проблему периодизации древнейшей и древней истории Кавказа и указывающий место в этой схеме важнейшим из новооткрытых археологических объектов (Триалети, Ханлар, Самтавро, Мингечаур, Кармир-Блур).

Последующие доклады И. М. Джафар-Заде и С. М. Казиева были посвящены археологии Азербайджана; первый из них сделал общий обзор археологических объектов и археологической изученности Азербайджана с характеристикой важнейших экспедиций, имевших место в советские годы и приведших к открытию целых периодов в древнейшей истории Азербайджана. Второй остановился на исследовании одного из интереснейших и богатейших археологических объектов Азербайджана Мингечаура, на котором следы существования человека отмечаются с древнейших времен и до раннего средневековья.

Г. И. Ионе сообщил о «Гончарных печах Мингечаура», обнаруженных раскопками 1946—47 гг. Автор рассматривает шесть больших керамических печей, открытых по соседству с мингечаурским некрополем и стратиграфически связанных с могильником кувшинных погребений, относящихся к эллинистическо-римской эпохе. Печи имеют известные аналогии с печами Крыма и Тамани позднеримского времени, но в общем и конструкция их и форма достаточно оригинальны. Печи свидетельствуют о наличии развитого гончарного дела в Азербайджане в античную эпоху, несомненно принадлежа к керамическому кварталу древнего Мингечаура. Должно быть упомянуто также сообщение Э. И. Ямпольского «Термин Мар» и топонимика древней кавказской Албании», ставящее вопрос о следах в Албании яфетического племени «маров» — имя, которым древнеармянские авторы обозначали мидян.

Археологии Армении посвящены были доклады К. Г. Кафадаряна, сообщившего о раскопках города Двина, известного из литературы со времен Аршакидов, приведших за последние годы к открытию кафедрального собора, дворца и палат католикоса. Эпиграфические находки окончательно подтвердили отождествление древнего города с Двином; К. В. Тревер доложила сессии о Гарнийской крепости, дала анализ архитектуры ее античного храма и найденной у крепостной стены греческой надписи. Б. Б. Пиотровский и К. Л. Оганесян доложили о раскопках и изучении топографии Кармир-Блура (Тейшебани).

Древней археологии и истории Грузии были посвящены доклады А. И. Джавахкишвили «О предметах ювелирного мастерства из гробниц грузинских питнахшей в Армази», с указаниями на своеобразие их техники; И. Н. Цицпшвили о «Строительном искусстве древней Грузии по материалам раскопок в Багинети», посвященный вопросам топографии и хронологии архитектурных сооружений древне-

иберийской столицы. Древнейший из четырех наблюдаемых строительных периодов архитектуры Армази относится к эпохе эллинизма, тогда как позднейший относится ко времени раннего средневековья. А. И. Болтунова в сообщении «Об этническом составе населения эллинистической Иберии по данным литературной традиции» устанавливает, что процесс формирования союза племен, положившего начало образованию народа иберов, происходил между верховьями Евфрата, Чороха и Куры и что формирование его совершалось при активном участии скифо-сарматских этнических элементов. Н. В. Хостария докладывала о древних поселениях в бассейне р. Хоби, где обнаружен ряд поселений, существовавших в эллинистическо-римскую и ранне-византийскую эпоху.

Должны быть упомянуты также доклады Г. Г. Лемлейна о «Каменных бусах из Самтаврского некрополя» с важными выводами относительно происхождения и хронологии некоторых категорий древних бус, а также Д. Г. Капанадзе «О новых данных для изучения статуров царя Аки», с отнесением этого имени к одному из царей Колхиды III в. до н. э.

На сессии были также заслушаны доклады, касающиеся археологии Северного Кавказа, из которых в первую очередь следует упомянуть о докладе А. А. Иессена — «Основные итоги и проблемы археологического изучения Сев. Кавказа». В нем устанавливаются периодизация и географические границы северокавказских культур эпохи бронзы и раннего железа. В докладе Н. В. Анфимова «Хронология грунтовых могильников Прикубанья сарматского времени» устанавливаются, на основании анализа погребальных форм и инвентаря, три «меотских» периода с VI в. до н. э. до III в. н. э. и констатируется непрерывность развития местной культуры в указанный период времени. М. И. Максимова посвятила свое сообщение «Серебряному зеркалу Келермесского кургана», многообразная орнаментика которого послужила предметом сложного стилистического анализа, приведшего к установлению местного происхождения этого памятника, изготовленного, по мнению докладчика, греческим мастером в одном из пунктов Тамани или Закавказья.

К этим последним темам непосредственно примыкают также и две из напечатанных в этом же выпуске статей: Е. И. Крупинова «К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе» (стр. 27—42), которая устанавливает на значительном, во многих случаях неопубликованном, материале наличие скифских элементов в культуре оседлого населения предгорий Северного Кавказа в VII—V вв. до н. э. Оседлый быт этого населения характеризуется земледелием, развитой керамикой и скотоводством, с преобладанием рогатого скота и свиней. На основании этого материала автор ставит вопрос о родстве северокавказской культуры со скифской культурой Причерноморских степей и о «скифской» стадии в культурном развитии племен Северного Кавказа. Н. В. Анфинов («Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской», стр. 64—66) публикует клад автономных монет Пантикапея III в. до н. э., найденных в 1941 г. в глиняном горшке в указанном месте. Автор отмечает, что все предшествующие находки подобных кладов происходят с территории Боспорского царства, а данный клад является первым случаем нахождения большого количества боспорских монет на меотийской территории, в пределах, впрочем, ближайшей досягаемости Пантикапея.

Материалы, характеризующие античный период в Приволжских и Приуральских степях, сосредоточены в вып. XXV. Прежде всего должна быть упомянута работа А. П. Смирнова («Могильники Пьяноборской культуры», стр. 22—32), рассматривающая, в полемике с концепцией А. А. Спицына, вопрос о времени существования этой родственной сарматам культуры в области Нижнего Прикамья. Автор значительно раздвигает, опираясь на аналогии с сарматским и позднеримским материалом, хронологические рамки пьяноборской культуры, помещая ее между III—II вв. до н. э. — V в. н. э.

К этой работе примыкает публикация Р. Б. Ахмеровым предметов из древних погребений, найденных при земляных работах в г. Уфе, в 1946 г. (стр. 113—117).

Среди находок выделяется бронзовый сосуд и пряжка позднекочевнического типа, имеющие аналогии в крымском и кавказском материале, на основании чего погребения, из которых происходят эти предметы, могут быть отнесены к середине I тысячелетия н. э. Они свидетельствуют своим инвентарем о древних связях Башкирии с Кавказом и Причерноморьем.

Н. П. Б о р т в и н публикует весьма интересную находку бронзовых предметов уральского звериного стиля, сделанную на древнем культовом месте на горе Азов в Свердловской области (стр. 118—124). Среди культовых предметов — изображения людей (пеших и всадников), фигурки птиц, прорезная бляшка в виде свернувшегося дракона. Датируется находка раннесарматским бронзовым зеркалом, обнаруживая при этом явные признаки связи с поздней ананьинской культурой.

В этой же связи должна быть упомянута публикация П. П. С л а в н и н ы м каменного жезла, с головой коня, происходящего из Томского музея (стр. 125—126) и найденного случайно на берегу р. Бухтармы (приток Иртыша), в северном Казахстане. Автор указывает на аналогичный предмет в собрании Омского музея и относит жезл к середине I тысячелетия до н. э., связывая его, по назначению, с шаманскими жезлами-колотушками, употреблявшимися при камлании и изготовлявшимися из дерева.

В качестве работ, относящихся к древней истории Средней Азии, должны быть упомянуты содержащиеся в вып. XXIII: сообщение о диссертации Т. Г. О б о л д у е в о й («Курганы Каучинской и Джунской культур в Ташкентской области», стр. 101—102), рассматривающей предметы из могильников названных культур, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н. э. и к первым столетиям н. э., как материал, характеризующий быт кочевников саков, а также и местное оседлое население, связанное в культурном отношении с Согдианой; публикация А. Н. Б е р н ш т а м о м глиняного штампа с изображением сассанидского царя (стр. 36—39), найденного на Сугулукском городище (Чуйская долина). Определяя изображение штампа, как портрет царя Ковада (488—531 гг.), автор видит в нем согдийскую работу, попавшую в Семиречье не ранее VI—VII вв. н. э., судя по датирующим находкам соответствующего слоя Сукулукского городища.

В этом же выпуске содержатся некоторые публикации, относящиеся к истории столицы Боспора — Пантикапея. А. П. И в а н о в а («Новая скульптурная находка в Керчи», стр. 31—34) публикует найденную в 1946 г. голову в шлеме из плотного известняка местной греческой работы, относящуюся к эпохе Археанактидов (первая половина V в. до н. э.). Автор обращает внимание на некоторые характерные черты стиля, выявляющиеся как местные и прослеживающиеся также и на других образцах боспорской пластики: это известный схематизм, плоскостность и линейность, свойственные также и другим периферийным очагам греческого искусства, например искусству этрусскому. И. Б. З е е с т («Земляные зернохранилища Пантикапея», стр. 80—83) сообщает о комплексе зерновых ям позднеархаического времени (III—IV вв. н. э.), открытом в 1946 г. на северном склоне горы Митридат. Автор описывает устройство пантикапейских зерновых ям, сходясь с рецептами Варрона, и дает в то же время некоторые раскопочно-методические указания, не могущие, однако, не вызвать у читателя известных сомнений: такие условия, как возможность фиксации ямы лишь по вертикальному разрезу (профилю) и нахождение в заполняющем ее мусорном грунте отдельных камней, равно как и камни на дне ямы — все это в большей мере подходит к условиям позднейших ям для выборки камня, нежели древних зернохранилищ.

К этой публикации примыкает сообщение И. И. Н и к и ш и н а («Находка зерен в Керчи», стр. 84—85), содержащее определение злаков, обнаруженных в керченских зерновых ямах. Это — пшеница и ячмень, встречаемые также и в других пунктах Боспора, как, например, в Мирмекии и Тиритаке. Среди этих зерен найдены были в небольшом количестве также зерна сорнополевого ржи, — обстоятельство, в связи с которым автор вновь поднимает вопрос, уже и ранее дебатировавшийся в ботанической литературе, о вхождении ржи в число культурных растений вместе с пшеницей и ячме-

нем, в качестве сорняка. Керченские находки подтверждают, по мнению автора, предположение о происхождении культуры ржи из Малой Азии, хотя в этом случае пришлось бы рассматривать боспорское земледелие как привнесенное греками, что само по себе чрезвычайно мало вероятно, ибо греческие колонии на берегах Боспора были торговыми факториями, а не сельскохозяйственными поселениями, подобно некоторым дорическим общинам.

Заканчивая на этом обзор сообщений и публикаций из области древней истории, помещенных в перечисленных выпусках КСИИМК, мы еще раз должны отметить начало успешного преодоления недостатков, заметное на материале последних выпусков КСИИМК, отмечающих как бы некоторый юбилей выходом своего 25-го тома.

Внимание к руководящим проблемам науки, равномерное и возможно более полное освещение работ в области древней археологии, ведущихся другими академическими (и неакадемическими) учреждениями, высокий теоретический уровень при постановке методологических вопросов — вот необходимые условия для дальнейшего успешного осуществления этого издания.

Л. А. Ельницкий и С. И. Капошина

«*СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ*», т. IX, 1947, 328 стр.; т. X, 1948, 386 стр.

Отличительной чертой двух рецензируемых томов (IX и X) сборника «Советская археология» является огромный хронологический (т. IX — от палеолита до XIX в.; т. X — от палеолита до XIII в.) и географический (от Восточной Сибири до Карелии и Украины; от Белого моря до Армении и Средней Азии) диапазон, свидетельствующий о богатстве нашей страны археологическими памятниками. Оба тома посвящены, в основном, материалам, накопленным еще до 1941 г. Работы в обоих томах расположены в хронологическом порядке. Т. X «Советской археологии» посвящен главному русскому археологу-энтузиасту А. А. Спицыну, научная деятельность которого охватывает необычайно широкий круг вопросов (первобытная археология, скифо-сарматский, древнерусские и финские древности и т. д.). Здесь помещены статьи и публикации, объединенные кругом научных интересов А. А. Спицына.

Материалы и статьи рецензируемых томов вводят в научный оборот новые данные и по-новому освещают многие важные вопросы, имеющие большое значение для изучения древнейшего прошлого нашей родины. Но огромное научное значение рецензируемых томов не может заслонить их отдельных недостатков. В них нет теоретических статей с освещением крупнейших проблем, статей, обобщающих широкий историко-археологический материал. Некоторые авторы некритически используют данные, периодизацию и терминологию буржуазной науки. Так, например, в работе «Пушкари» (т. IX) и в некоторых других статьях французская периодизация и терминология палеолита целиком перенесена на изучение нашего палеолита; странно звучит, например, такое выражение, как «эпипориньякские проявления Воронежской области» (стр. 196) и др. Пора нашим археологам выработать свою периодизацию палеолита.

Тому IX, состоящему из двух разделов — «Статьи» и «Материалы» (всего 17 работ) — предпосылается редакционная статья «Современные задачи советской археологии», в которой подчеркивается огромная роль археологии для исторической науки и показываются успехи советской археологии, развивающейся на базе марксистско-ленинского мировоззрения. Наряду с этим отмечаются организационные и методологические недостатки в научно-исследовательской работе. Выдвигается требование единого плана археологических работ в СССР. Отмечаются неточная и несвоевременная публикация материалов, а также увлечение, с одной стороны, «голой социологизацией»,